

18+

АЛЕКСЕЙ ЮЖАНИН

СКРИЖАЛИ НЕПОПУЛЯРНОГО

ТИХО О ГРОМКОМ. INCERTUM.
SUSURRUS

Алексей Южанин

**Скрижали непопулярного. Тихо
о громком. Inceptum. Susurrus**

«Издательские решения»

Южанин А.

Скрижали непопулярного. Тихо о громком. Inceptum. Susurrus /
А. Южанин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Листал, не читая. Не лайкнуто. Без охвата.
Оставил 99+ непрочитанных. Слишком длинно. Щёлкнул — не попал.
Silentium digitale: о словах, которые не долетают. Слово — не клик. Назад
не воротишь. Книга первая. Эта Dialogum для тех, кто всё равно читает. Про
буквы, брошенные в тишину, и эхо в ответ. Про слова на потом, что стали
неудалённым — что пережило всё.

© Южанин А.

© Издательские решения

Содержание

Лайк вместо смысла, или тишина после слова	6
Инструменты выживания, лакмусовая бумажка окружения, обратная сторона оваций, ремесло несгибаемых, кодекс игры вдолгую, принципы крепнут от ударов	9
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Скрижали непопулярного Тихо о громком. Inceptum. Susurrus

Алексей Южанин

Иллюстратор Алексей Южанин

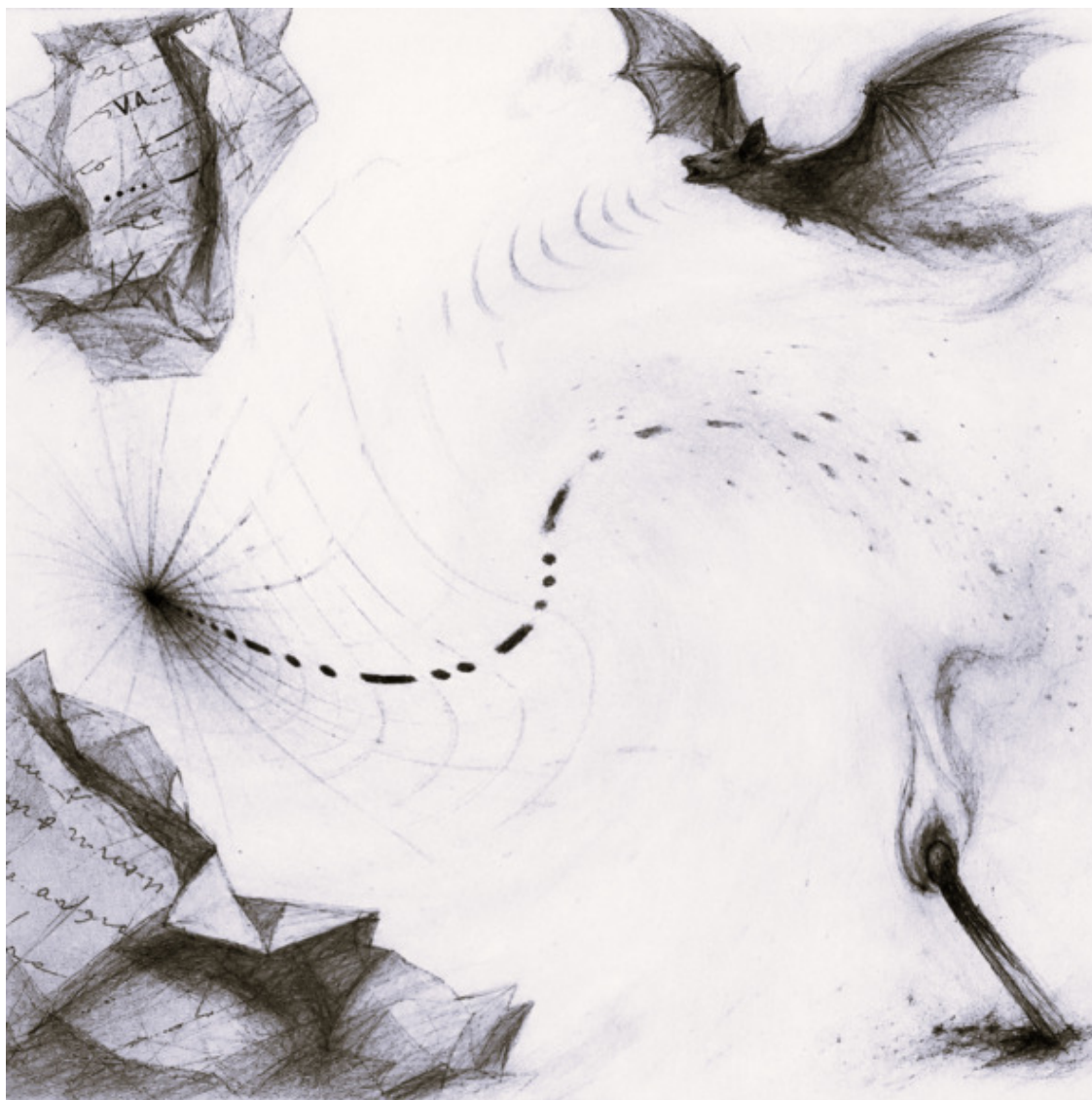
© Алексей Южанин, 2026

© Алексей Южанин, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-1524-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лайк вместо смысла, или тишина после слова О пользе эха в безвоздушном пространстве

Каждое слово — попытка пробиться сквозь шум.
Каждая глава — письмо, брошенное в цифровую пустыню.
Не хотел быть услышанным. Хотел быть понятым.
Но эпоха научилась слышать только то, что щелкает кликами.
А я щелкал мыслями.
Писал для тех, кого не осталось?

Слово — это удар. Не метафора. Удар. Физика. Ты бьешь кулаком в стену — стена не реагирует. Кулак разбит. Ты бьешь снова. В этом нет романтики. В этом есть только природа — та же самая, что гонит лосося вверх по течению: против воды, против смысла, против всяких разумных доводов. Лосось не думает о том, есть ли ему смысл плыть. Он плывет. Я пишу.

Среда была враждебна. Это следует зафиксировать как факт, как геолог фиксирует состав породы: среда была враждебна изначально, структурно, без злого умысла — так же, как северный океан враждебен не из ненависти к кораблям, а по своей природе. Человек, вознамерившийся сказать что-либо длиннее двухсот символов, обнаружит себя в положении золотоиска-

теля, который тащит тяжелый лоток в одну сторону, тогда как река жизни несет всех прочих — в другую, быструю, веселую сторону, туда, где тепло, где смешные картинки, где ничто не требует усилий.

Я хотел быть понятым. Не услышанным — понятым. Разница такая же, как между гудком парохода и живым разговором. Первое достигает барабанной перепонки. Второе — чего-то глубже. Но эпоха переориентировалась на пароходы: громкий гудок, облако дыма, красивая волна за кормой. Разговоры стали нерентабельны. Их вытеснили, как вытесняют кустарное производство — не декретом, а сделав невыгодным.

Не скрою — звучит претенциозно. Ну и что? Пусть звучит. Достоевский тоже звучал претенциозно, пока не перестал. Я посылал сигналы морзянкой через стенку вагона, позабыв, что состав разобрали на металлолом еще в прошлом десятилетии. Мой вагон стоит в тупике. По колеса в борщевике. Борщевик, между прочим, тоже хочет жить... но я хочу без него, так что пусть он хочет где-нибудь в другом месте.

Я стучу по клавишам и набираю текст.

В этом действии — все. В нем нет расчета на успех. Есть только движение, неостановимое, как кровообращение. Разум говорит: брось. Кровь не слушает разума — она движется по кругу, потому что остановиться значит отупеть. Пишущий человек в эпоху кликов — это кровь, которая продолжает циркулировать в организме, уставшем замечать ее существование.

Однажды пришла фраза: «Время разучилось воспринимать все, кроме щелчков». Острая. Точная. Я обрадовался ей так, как охотник радуется зверю на прицеле. А потом представил конкретного человека — не абстракцию, не «читателя», а вот этого, с кофейным стаканчиком в очереди, с большим пальцем, движущимся по экрану вверх-вниз с равномерностью маятника в доме, где давно никто не живет. Мои мысли о щелчках пролетают мимо его глаз — быстро, бесшумно, как облака над городом, которые никто не смотрит, потому что голова опущена.

Он не прочтет. Это не его вина. Это экология. Среда не благоприятствует медленному чтению точно так же, как тундра не благоприятствует апельсиновым деревьям: не из вредности, а потому что климат.

Мысли — ультразвук. Их слышат летучие мыши и библиотекари. Мир же настроен на другие частоты: погромче, покороче, поярче. «Мотивируй меня за тридцать секунд» — вот запрос эпохи. За тридцать секунд можно вскипятить чайник. Нельзя объяснить, зачем живет человек.

Я писал не для них. Я написал для вас — если вы существуете. В вашем существовании у меня нет уверенности: вы — рабочая гипотеза, йети в удобном кресле. Но я рисую ваш портрет. Вы сидите. В комнате пахнет бумагой и чем-то горячим. И у вас есть одна неизлечимая привычка: вы дочитываете абзац до конца. Даже длинный. Даже этот.

Раньше я верил в Слово. Верил — как ребенок верит, что если зажмуриться крепко, чудовище уйдет. Слово казалось мне рычагом: надави в нужном месте — сдвинется мир. Потом выяснилось, что мир — не планета. Мир — это бесконечно пережевывающее устройство, которое перемалывает смысл в однородную массу без запаха и вкуса. Контентом набивают теперь людей — как матрасы набивали ватой. Я добавляю в этот матрас свои опилки. Но с условием: мои опилки должны колоться.

Каждое слово — письмо, брошенное в пустыню. Ответа я не жду. Шанс найти читателя в цифровом пространстве примерно такой же, как наткнуться на верблюда, читающего Толстого по-суахили, — теоретически возможно, практически нет. Но в самом акте бросания есть что-то живое. Что-то, что говорит: я еще здесь, я еще способен запустить что-нибудь в воздух, кроме запроса к голосовому помощнику.

Меня спрашивают — в фантазиях, конечно; в реальности спрашивают только «карта или наличные» — для кого ты пишешь?

Для тех, кто остановился, зацепившись за сложное предложение, и не закрыл вкладку.

Для тех, кто знает: тишина в библиотеке — не отсутствие звука, а присутствие смысла.
Для тех, кто чувствует вкус слова «послезавтра».

То есть — для призраков? А сам я — главный призрак в этом зале? Самый заслуженный?

Эта книга — аллергическая реакция. Не подвиг, не манифест — аллергия. Акустическая, на железный лязг одобрения. Как ни парадоксально, но пишу это внутри цифровой платформы. Звучит как оксюморон, но это факт. Я — садовник, который разбил грядку в центре бетонной площади. Асфальт не уступит. Но иногда — трещина. И в трещине — лист. Маленький. Живой.

И продолжаю щелкать мыслями.

В пустоту.

В надежде на эхо.

Которого, скорее всего, нет.

Но разве это повод перестать жестикулировать в темноте?

Писал, чтобы перестать писать. Говорил, чтобы научиться слушать.

Ведь слова — лишь лестница, по которой пытался выбраться к молчанию.

Теперь лестница не нужна.

Инструменты выживания, лакмусовая бумажка окружения, обратная сторона оваций, ремесло несгибаемых, кодекс игры вдолгую, принципы крепнут от ударов

Афоризмы — не простые слова. Это элементы информационно-психологической обороны. Когда враг (в лице провокатора) пытается своим вопросом вскрыть ваш когнитивный периметр, вы запускаете «ответ первого лица» — облако из смысловой дымовой завесы. А в этом облаке уже летят наши крылатые фразы, которые... ну, вы поняли. И это не уход от ответа. Это — возведение ответа в абсолют, где места для исходного вопроса уже не остается.

Две вещи наполняют душу трепетом: звездное небо над головой и звездный рейтинг в социологических опросах. Человек постиг «вещь в себе» — это инопланетянин с правом голоса на праймериз. Его заявление — акт чистого разума, не обремененный данными опыта.

Сказано — сделано. Сделано — не значит осмысленно. Перерабатывать тоже надо, но с умом.

Эскалация есть актуализация потенции, заложенной в предыдущих политических решениях. Говоря проще: они сеяли ветер, а теперь удивляются урагану.

Когда общность мыслей достигает особой высоты, человек действительно становится больше, чем он есть, — обычно это заметно по раздутому эго и полному отсутствию критического мышления.

Мы объявляем врагом того, с кем не можем договориться. Остальных — приглашаем договориться.

Климат меняет правила, политики меняют заявления, а аналитики меняют прогнозы. Единственное, что остается неизменным, — это чувство, что где-то кто-то уже собрал «тревожный чемоданчик».

Когда большие дяди сначала ругаются, а потом начинают про экологию говорить — это неправильные дяди.

Если взятка — язык, на котором пациент говорит с системой, то блатной пациент — его носитель. Переводчиком выступает главврач. Ротация переводчиков ускоряется, когда исходный текст (запрос от силовика или чиновника) содержит угрозы для репутации заказчика.

Карта безопасных стран — это схема распределения глобального силового поля, где «благополучные» зоны — территории, куда пока не дотянулись щупальца системного кризиса.

Услышав стук в дверь, глупец ждет почтальона, мудрец же одинаково вежливо встречает и почтальона, и апокалипсис.

Если спрошено будет: что полезнее — баня или солнечный свет? — отвечайте: крайности вредны, лучше — чередовать.

Почему интерфейсы становятся лабиринтами? Кухня разработчика против стола пользователя. Программисты и дизайнеры живут внутри продукта месяцами. Они знают каждую шестеренку. Им кажется логичным дать доступ ко всем этим шестеренкам всем. Результат: панель управления, как кабина пилота самолета, где вы хотели просто вскипятить чайник.

Строят новый крематорий с испанскими печами. Теперь можно будет уйти в лучший мир с европейским качеством.

Если папа может все, что хочет, то дочка — тем более.

Искусство, созданное нейросетью, — это надстройка над цифровым базисом. Оно не отражает душу художника, а лишь обнажает алгоритмы того, кто этот искусственный интеллект кормил данными.

Права не дают, права — берут. А некоторые только брать и умеют.

Точные факты кажутся дикими лишь потому, что мы привыкли к вымыслам с хорошей дикцией.

Чем больше развит ум, тем страшнее его ошибки. Например, один мудрец сумел доказать, что пить не с горя, а «по рассеянности для беседы» — это высший пилотаж борьбы с обществом. Общество в ответ развело руками и... налило себе. За компанию.

Радостный народ покупает попкорн, негодующий — бросает яйца, но волнующийся народ покупает и попкорн, и яйца, а заодно и три упаковки гречки.

Работают над тем, чтобы жизнь удлинить, а сами короче некуда.

Америка — это не друг, и не враг. Это «стратегическая неопределенность», обернутая в звездно-полосатый флаг.

Патриотизм, доведенный до многословия, перестает быть любовью к стране и становится любовью к собственному голосу.

Освободить голову осознанным усилием может только дисциплинированный спичрайтер. Предпочтительно освобождать голову вечером, чтобы к утру она — как площадь перед парадом — была вычищена, вылизана и готова принять строй колонн новых глубоких мыслей. Статья — это протокол уборки.

Мы живем в мире гиперкоммуникации, где слова обесценились, но задача осталась прежней: превратить шум в смысл, а смысл — в чужое сердцебиение.

Стань тем, кто ты есть. Но прежде проверь, есть ли на это тренд в TikTok и сколько за это платят.

Карающий закон — это калькулятор, где кнопка «милосердие» сломана, зато отлично работает деление имущества. А вся его преамбула — это как таблица умножения.

Слезы омывают организм от токсинов, а нытье — душу от иллюзий. Поэтому ноющие живут долго и несчастливо.

Вот опять один в ленте прокручиваю чужое счастье, такое гладкое, глянцевое... И отчего-то так тошно становится, будто я голодный пес у яркой витрины ресторана.

Здравый смысл подсказывает, что золотая середина между голодом и обжорством — это есть ровно столько, чтобы хватило сил искать новую золотую середину.

Если везут хлеб, это — гуманитарный конвой. Если везут оружие, это — частный военный контрактер. А вот если везут и то, и другое — это государство.

Как всегда: хотят быть за столом, а посадили у порога. Хотят голос иметь, а язык проглотили еще при первой ссуде. Ничего нового. Сильный будет решать, потому что у него вес, а не потому что он умный.

Товарищи сравнивают сроки? Неверная методология. Сравнивать надо не дни, а цели. Тогда все становится на свои места. Или не становится. В зависимости от цели.

Соппротивление окружающей среде должно быть сложным, но предсказуемым. Чтобы у среды не возникло лишних вопросов.

Зеркальце и бусы — суть одна: и то, и другое отражает человеческую сущность. Первое — лицо, второе — цену.

Корни бедняка слишком глубоки, чтобы вырвать их вместе с государством. Корни богача — это воздушные корни орхидеи: они питаются воздухом и могут расти где угодно, лишь бы было дорого.

Солнце милости светит всем одинаково, но почему-то те, кто стоит в тени, называют его ослепительным.

На глаз не мерь — глаз крив. На слух не верь — ухо глухо. А рубль считай вслух, чтоб соседи завидовали.

Счастливые часов не наблюдают, а ноющие наблюдают за каждым тиканьем, замедляя время. Субъективно живешь вечно.

Человечество борется с магнитными бурями и друг с другом, а в это время в саду так вкусно пахнет сиренью... Все это, впрочем, совершенно неважно.

Мы с такими не разговариваем. Мы им сразу предъявляем. А что предъявляем? А вот что! Кулак. Или новый ультиматум. В общем, что-то предъявим.

«До следующего потрясения» — это не прогноз. Это бизнес-модель. Ваша. С регулярными убытками и бонусом в виде чувства собственной порядочности.

Финансовый разум, доведенный до автоматизма высокочастотных торгов, более не терпит символов ничтожной, неликвидной материальности. Мелкая монета была фармаконом экономики: и ядом неэффективности, и лекарством мелких человеческих расчетов. Ее исчезновение знаменует окончательный разрыв между скоростью капитала и медлительностью человеческого жеста.

Хотели же собрать лучше, а получилось — по инструкции.

Выбросил все лишнее из дома. Остались только я, мой сарказм и надежда, что человечество когда-нибудь поумнеет. Надежда — это лишнее?

Цифровое владение — это всегда условная аренда. Возможность «отключить дистанционно» — идеальная иллюстрация общества, где суверенитет растворен в коде. Одни владеют телом гаджета, но его душа принадлежит облачному серверу других.

Генерал хлопает, потому что знает: пока идет представление, его кабинет в безопасности. Когда представление закончится, начнутся вопросы к режиссеру.

Цель оправдывает средства. Но если средства применяются много-много дней, возможно, стоит уточнить, не изменилась ли сама цель? Или это и есть средство?

Народная мудрость — это когда разумный говорит очевидное, а мудрый записывает и выдает за глубину века.

Капитан Немо сказал бы, что оскорбление чести — более веская причина для разрыва, чем все экономические расчеты. Но Земля не «Наутилус», и здесь некуда скрыться от последствий.

Дома и стены теплее, даже если эти стены в окопах.

Говорили им: экономика — не медитация, чтобы сидеть и ждать просветления.

Смех на конференции по безопасности — опасный звук.

Жизнь не просит быть смелым — она требует быть живым. А быть живым — значит рисковать собой ради того, что не умещается в расчет.

Жизнь — это перманентно-беспокойный прыжок. Год — очередная кочка на этом пути. Надеюсь, следующая будет мягче.

Глупость в делах — это не отсутствие знаний, а осознанный отказ усложнять то, что можно монетизировать.

Зависть — это комплимент, упакованный в яд. Особенно когда повезло больше, чем соседу.

У нас есть подтвержденные данные, что один человек может быть успешнее, чем коллектив, — особенно если те, что в коллективе, постоянно просят премию и выходной. В правительстве, конечно, все иначе, но для частников — прямо-таки наш метод.

Всем обещают бессмертие, а я мечтаю об одном — чтобы хоть один грантополучатель прожил дольше мыши!

Проблема важной встречи не в том, кто на нее попадет. А в том, что система устроена так, чтобы фильтровать тех, кто говорит правду, еще до входа в лифт.

«Все фальшиво» — потому что все ждут, пока кто-то сделает.

Если на глобусе кажется, что стоишь на месте, присмотрись — возможно, это глобус вертится. Или его кто-то вертит. Или вертят все, а ты простая часть карты.

Репутация — это актив, но он неликвидный без собственных усилий.

Империя требует мобилизации, не уточняя карты. Что ж, это честнее, чем обычно. Раньше врал про светлое будущее, теперь честно пожимают плечами. Слышишь этот звук? Это хруст суставов истории, которая уже никуда не идет, а просто переминается с ноги на ногу на одном месте. Не пытайся шагнуть в ногу — сломаешь каблук.

Передать ощущение — значит посадить дерево в чужом саду, не имея семян. Писатель может описать форму ветра, а читатель — сам решить, дрожать ему от холода или от восторга. Искусство здесь: замолчать ровно на миг раньше, чем испортишь чудо.

Лучший «кристалл роста» экономического чуда — это не алмаз в недрах, а блеск в глазах у того, кто верит в завтрашний день.

Наша экономика — это антихрупкость наоборот: она ломается даже тогда, когда ничего не происходит. Потому, что у поставщика из Китая случился выходной.

«Ничего себе!» — это фраза, которая рождается из всех мелких наблюдений сразу.

Они хотят устранить «ложные положительные» срабатывания (клевету), но создают «ложные отрицательные» (тишину). Это не борьба с шумом, это ампутация ушей.

Не берите в долг у банка, чтобы отдать его букмекеру, несите свое.

Страх закончился. Осталась только усталость. И ненависть. А это — плохая комбинация для империи.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно, не жаль ту лужу, что раньше была айсберг. Скажу ему: «Прощай, мой друг прозрачный, ты ищешь в океане свой ночлег».

Корень долголетия оружейника — в умении растить два дерева: Дерево Страх и Дерево Желания безопасности. И постоянно их опылять, чтобы плоды давали семена для новых посадок.

Удивленный оптимист спрашивает: «Почему?», злой пессимист отвечает: «Потому!». Первый ищет решение, второй — виновного. Второй кончает жизнь бунтом, первый — маленьким полезным изобретением.

Последним актом свободной воли в эпоху тотального контента может быть только полное, осмысленное, демонстративное молчание. Но и его немедленно монетизируют, разобьют на пиксели и продадут с аукциона. Даже наша тишина нам не принадлежит.

Желание жить лучше — это самый безопасный вид экстремизма. Потому что никого не трогает. Даже самого желающего.

Соппротивление окружающей среде делает человека личностью. Говорят, сопротивление закаляет. Да, закаляет до хрупкости: либо станешь алмазом, либо рассыплешься в песок, которм эту среду и присыплют.

Мы надеваем особые одежды, чтобы аннигилировать зазор между социальной маской и биологическим ужасом тела, которому не повезло быть нами.

Точность мы позволяем себе в чужих счетах; свои же убеждения мы оплачиваем с непомерной наценкой.

Есть поручение — будет дело. Нет поручения — найдем, откуда оно возьмется. Прокуратура, знаете ли, не подведет.

Когда на собрании учредителей топорами рубят и щепки летят, учредители — это те, кто быстренько учреждает побег. В рабочем порядке, разумеется.

А у некоторых и царапин-то нет... Только синь да пустота.

Вышедшие из берегов реки учат жизненной мудрости: чем шире открываются горизонты, тем легче в них утонуть, не сделав и шага.

Судья ищет правду, а адвокат — милость к вашему кошельку.

Власть не в тексте Устава, а в праве его картографировать. Генсек — не толкователь, а картограф, чей циркуль очерчивает границы суверенных государств, но никогда — границы народов. «Самоопределение» — плавающий сигнификатор в океане легитимности, который всегда прибывает к берегу «территориальной целостности». Истина не в статье Устава, а в том, чей нарратив признан «официальным переводом» реальности.

Жизнь, в сущность, состоит из двух мнений: одни уверены, что вишневый сад продан, другие — что его еще только собираются продать. И пока все так уверены, жизнь, эта самая «вишневая энергетика из зеленого перехода», проходит мимо.

Государство платит? Значит, деньги есть. А если деньги есть, то почему бы не купить еще больше китайского? Вот такая арифметика, одесская.

Страна разделится на два лагеря: те, у кого есть айфон и нет принципов, и те, у кого нет айфона, но есть целых три принципа — и все они про импортозамещение.

Бегство в Дубай — это не борьба за равноправие, а эмиграция! Настоящая борьба с домашним абьюзером — не слезливые интервью, а публичный трибунал, разоблачение и конфискация его «миллионов» в пользу пострадавшей и всех жертв патриархата. Такая история — яркий пример того, как мелкобуржуазное сознание предпочитает личное спасение перманентной борьбе с системой угнетения. Из Дубая справедливости в семейных отношениях не сделаешь.

Как говорится, лучше бы пирог мировой пекли. Хотя польза была бы — и вкусно, и никаких островов делить не надо.

Абсурд повседневности часто честнее и смешнее любой мировой повестки.

Факт: вы на 70% состоите из воды. Если эту точность не смягчить ложью, вы обычная лужа, которая платит налоги.

Для народа — скидки, для народа — налоги.

Жизнь бесцельна — это ее главное преимущество перед работой. И главный недостаток перед дедлайном.

Не надейся на чиновника. Его задача — минимизировать ущерб для себя, а не максимизировать твои шансы. Статистика говорит: шанс, что он думает о тебе, равен нулю. Абсолютному.

Нельзя объять необъятное, но можно отменить неотменяемое. Что и сделали с международным правом. Осталось одно — «право сильного». Но и оно, как учит опыт, сильно до первого более сильного.

Настоящая идеология — это не когда диктуют, о чем думать. Это когда диктуют, о чем не думать, а вы даже не замечаете, потому что слишком заняты, повторяя чью-то глупость.

Воровать у одного — плагиат и позор, воровать у многих — исследование фольклора; настоящая связь с обществом измеряется не числом друзей, а числом безнаказанно заимствованных цитат.

Модель замкнутой экосистемы влияния — где государственная должность становится узлом обмена ресурсами между различными коррупционными группами.

Привести второго ребенка, чтобы его тоже обидели — это не родительский инстинкт. Это клиническая любовь к рейтингам «за все хорошее».

Бегство на Марс — это не триумф человечества, это капитуляция земного начала. Бытие нужно делать здесь, в грязи и недрах Земли, а не в стерильных пустынях чужой планеты.

Отрицать связь между неизвестными — исключительная привилегия тех, кто по ошибке считает себя абсолютно известной величиной.

Мы живем в эпоху шумных мнений и тихой ответственности.

Кто-то предъявляет необоснованные претензии? — Ответ одним словом: «Какие?»

Не верю! Не верю в ваши слезы на ток-шоу! Я вижу, как вы вспоминаете, какую именно эмоцию заказал вам режиссер. Это не жизнь, это плохой спектакль.

Чтобы критиковать чужой вкус, не обязательно иметь свой. Достаточно не иметь носа.

Всякого слушай, никому не верь. Даже если говорят правду, помни: правда имеет свойство меняться в зависимости от того, кто ее озвучивает. И уж точно она никогда не совпадает с тем, что хотелось бы услышать.

Зрячее око публичной персоны должно различать: битву с учреждением — можно выиграть, битву же с Отечеством в сердцах соотечественников — нельзя выиграть в принципе. Первое — спор. Второе — измена.

Запутанные преступления совершают на виду у всех. Ровно как и неуклюжие политические решения. И в обоих случаях самый невзрачный персонаж оказывается ключевым.

Искусственный интеллект пообещал отнять у людей работу. Но он оказался гуманнее: сначала он отнимет у людей способность отличать — чья работа. А затем — реальность от вымысла. Безработица наступит сама собой.

Официальная статистика по коррупции растет — значит, работа кипит. Рост числа уголовных дел — не признак болезни системы, а симптом ее активного... самопознания. Чиновник, мелькающий в сводках, — не провал, а пилотная модель такого самопознания на местах.

Плоть немощна и абсолютно демократична: она предательски дрожит у каждого.

Электромобиль — он, конечно, хороший. Решили перейти на электротягу, а приехали к генератору с канистрой.

Мгновенный результат — удел игроков. Мы — исследователи. Наш метод — повторяемое, последовательное применение давления к слабым точкам сложной системы. Результат — не событие, а процесс. Процесс их энтропии.

Чтобы сделать систему «безопасной», ее наполняют десятками настроек, предупреждений и соглашений. Это создает иллюзию контроля. На деле это только увеличивает площадь поверхности для атаки и порождает «слепоту к риску». Истинно антихрупкая система та, что интуитивно проста: у нее нет настроек, которые можно не понять; ее нельзя «неправильно настроить». Ее можно только сломать физически, что требует несопоставимо больших усилий.

Мы усердно копаем колодец, из которого нам никогда не разрешат напиться.

Дебаты так важны, что на них тратят все время, которое можно было бы потратить на дело. В зале, где слова дороже действий, молчание — единственная форма прогресса.

Лучший способ устоять — это упасть в ту сторону, куда дует жизнь. Это будет красивая поза для портрета.

Хрупкий лидер считает протесты угрозой. Антихрупкий — инвестирует в их дестабилизацию, чтобы они созрели и лопнули на чужой территории.

Снижение возраста присяги — гениально. Теперь подросток, еще не разобравшись в себе, должен определиться с верностью отчизне. Главное, чтобы патриотизм не сдавали вместе со школьной географией.

Провокационный вопрос — как насекомое. Не вступай с ним в дискуссию, накрой его стаканом государственной мудрости и забудь.

Ядерный удар — это, конечно, не концессия, но тоже прибыльно. Особенно если продавать билеты на представление «Последний фейерверк».

Рынок — это когда спрос рождает предложение. А у нас — когда предложение рождает спрос на лояльность.

Кто в юности не искал себя, в зрелости ищет оправдания, почему он — не тот.

История регулярно вручает «счет» за переоценку собственных сил и игнорирование сложности мира. Репрессалии в геополитике редко бывают разовыми и зрелищными — это чаще длительный, изматывающий процесс, который подтачивает могущество изнутри. Ключевой вопрос не в том, «кто их наносит», а в том, «кто их позволяет». Ответ печален: чаще всего государство делает это с собой само. Внешние игроки лишь создают для этого условия.

Хор связывает нас с философской сутью мира ровно до тех пор, пока сосед справа не вступает на такт позже, после чего высокое искусство мгновенно превращается в идеальную аллегорию современной демократии, которая схожа с сутью греческого театра: трагедия начинается там, где тридцать человек пытаются одновременно взять верхнее «ля» без единого дирижера.

Если его послали все, у кого есть власть, — он не посредник, он порученец.

Какого бы закона ни приняли... хотели же лучше, а как всегда получилось: разрешили искать запрещенное только тем, кто его плодит. Ну а кто же его еще искать будет?

Публикация файлов Эпштейна — полезное дело. Она наглядно показывает трудящимся, кто их настоящий враг и как «уважаемые» люди устраивают свои делишки.

Если вы не находите в Библии противоречий, значит, вы не умеете читать; если вы находите их слишком много, значит, вы не умеете верить — все сходится.

Доктрина «точечных ударов» — это апогей современной политики: чиновник, находясь при исполнении суверенной власти, внезапно попадает в зону своего же исключения. Он больше не гражданин, подлежащий праву, но и не солдат, подчиняющийся законам войны. Он — голая жизнь, на которую можно навести прицел, и в этом акте наведения окончательно стирается грань между политикой и охотой.

Есть версия, есть антиверсия, а есть истина. И пока есть вера в истину, можно мягко, но настойчиво критиковать любые технические шероховатости бытия.

Платная медицина — это когда ваше: «Ой, как больно!» превращается в чужое: «Ой, как выгодно!»

Им свет провели, а они его — вывели.

Сильный тем и силен, что не боится показаться слабым, блокируя то, что не может осилить.

Иное слово, тобой сказанное, есть твое. Иное, тобой же сказанное, но подслушанное вчера у глупца — есть лесь дураку. Бдите.

Наши враги — инновативны, а мы — нет? Неправда. Мы — инновационны.

Дружишь с одним покровителем от Фемиды — подписываешься на весь их чат. Купил базовый контакт — получи в нагрузку весь отдел, их KPI и личные проблемы. Отписаться сложнее, чем попасть в блокировку.

Тот, кто считает себя мерой всех вещей, обычно пользуется кривым аршином собственного изготовления.

Кто летал вокруг Земли — слышал ли, чтобы в космосе на английском матерились? Или только «Поехали!»?

Начальник на том конце всегда уверен, что он умнее исполнителя и ближе к месту событий.

Культура — это очень тоненький слой, который прикрывает наше звериное нутро.

Целомудрие — это не воздержание от распутства, а умение найти ему более интересную альтернативу. Например, чтение.

Вся «высокая драма» держится на чем-то незаметном труде, о котором не пишут.

Спецслужбы не дремлют. Но если они читают то, что мы пишем, значит, мы пишем то, что они хотят прочитать. А если они хотят прочитать то, что мы пишем, значит, мы пишем правильно. А если мы пишем правильно, то чего бояться? Пусть читают. Может, поумнеют.

Воспитание сына — это не подарок раз в году. Это ежедневный труд по ковке характера. Но если уж появился такой день — отличный повод для отцов провести инвентаризацию собственного примера.

Лучше плохая блокировка, чем хорошая анархия. Мы не тоталитаризм, мы демократия. Где еще увидишь такое? Только у нас. И то не везде, а в нашем мессенджере, потому что там алгоритмы умные, они знают, что народу нужно. Ибо где тонко, там и рвутся, а где толсто — там алгоритмы. Обученные.

Если эксперты так хотят... мы запишем их в специальную папку. С пометкой «очень умные». Но спасибо за совет, мы передадим его профильным ведомствам.

Слушайте, вместо слюнявых открыток — грохотом марша по миру шагайте, сыны! Чтоб каждый день был вашим днем, а не только двадцать второе ноября!

Модная идея отличается от вечной истины тем, что у нее есть срок годности.

Не верится в долгий мир, но всегда есть надежда на хороший сценарий следующего конфликта.

Мораль — самый гибкий товар на рынке большой политики.

Чем больше «умных» устройств, тем больше точек входа. Хакеру не нужно ломать стальную дверь — можно попросить «умный» замок открыться, послать команду «умной» розетке спалить проводку или через детскую камеру увидеть, когда вы уходите. Система, которая должна укреплять дом, делает его хрупким — хрупкость, замаскированная под инновацию.

Утро милое и ясное, потому что у нас нет туч. И это отношение к безоблачности позволяет нам не заметить, что у нас нет и крыши над головой.

Антихрупкость системы: она процветает именно тогда, когда дел нет. Потому что их надо создать.

Мы не можем идти вперед с головой, повернутой назад! А они вон как — сначала вместе сражались, а теперь словами друг друга колют. Ни у кого не получится так.

Мы не хотим, чтобы бездушные машины отнимали наш творческий труд. Поэтому мы с радостью отдаем им мозг — ведь операции на нем уже делает робот Федор. А сами творчески преворачиваем пакеты. Красота, гармония, эпоха кожаных прагматиков.

Те, кто любит затевать новые конфликты, все еще не поняли, что старые наши победы — это не истории для учебников, а инструкция на случай повторения.

Чтобы выглядеть молодо, нужно выбрать одну болезнь и хранить ей верность. А эти ученые вечно пугают чем-то новеньким, даже поумирать спокойно не дают.

Все пути ведут либо к дивану, либо ко дну. Разница в том, возьмешь с собой подушку или рюмку.

Вселенная равнодушна. Коллектив — нет. Главное, что мы сошлись во мнении, что наши мнения диаметрально противоположны. Уже прогресс.

О скандалах вокруг знаменитостей. Любопытно. Мелкая социальная особь нарушает нормы гнездования, и внимание всей колонии мгновенно фокусируется на ней, игнорируя открытие новых состояний материи.

Осознание собственной порочности — это не повод для самобичевания, а лучшая страховка от того, чтобы случайно не стать героем криминальной хроники.

Люди сидят в пещере, прикованные к ноутбукам, и наблюдают за тенями. Раньше они называли эти тени «проблемами». Но когда пришел начальник и сказал, что теней больше нет, а есть «среда обитания», узники заплодировали. Ибо так спокойнее.

Кризис перепроизводства человекоподобных машин при капитализме неизбежен.

«Эффект знаменитости» — это когда честная сделка превращается в благотворительный взнос в пользу всем известного, но лично незнакомого пенсионера.

«Надо жить лучше» — говорят прокуроры. И заодно прикладывают статью. Потому что лучше — это когда вы сидите, а они работают. Дела лучше они делают. А жизнь?

Частный медицинский принцип: любое осложнение — это новая возможность для маневра и составления сметы.

Во времена, когда солнце DDOS-ит нашу планету плазмой, становится ясно: наша реальность — это чей-то плохо обработанный big data. Метафизика свелась к проблеме соединения с сервером.

Бедняк не может позволить себе красивую ложь, поэтому он вынужден выживать на одной некрасивой правде.

Стратегический вывод: нельзя иметь врага, у которого все твои начальники сидят в айфонах. Потому что даже спецслужбы не знают, какое устройство это заменит.

Говорят, защититься невозможно. Так и есть. Но поймать — всегда пожалуйста. У нас таких, кто хотел невозможного, уже целый альбом для марок набрался.

Вино опускается на дно бутылки, чтобы поднять со дна души все то, что трезвость заботливо утопила.

Политики боятся не оскорблений, а точных определений. Страшнее всего, когда его роль назвали правильно и этот политик больше не оппонент, он — ресурс, чей цикл уже рассчитан.

Хотели «меньших усилий»? Получите большие последствия. Системно.

Фраза «сказал, как сделать» — это чистый невроз. Фраза «сделать, как сказал» — это психоз. Законотворчество — это клиника, где невротики пишут инструкции для психотиков.

Пастух экономит на псах, полагая, что овцы считают себя любимцами, а не гарниром. Это фатальная бухгалтерская ошибка, которую некому будет оплакать, кроме съеденного обращенными в волков овцами бухгалтера.

Чем больше случайностей должно было совпасть, чтобы вы оказались в нужном месте в нужное время, тем очевиднее, что это не случайность.

Если ты не прячешься, тебя не ищут. Это золотое правило любого преследования. Чтобы тебя нашли, нужно сначала начать убегать.

Предсказание апокалипсиса — это как квантовая суперпозиция. Пока его не наблюдаешь в новостях, он и случился, и нет одновременно. Проблема в том, что наше сознание коллапсирует волновую функцию в сторону «все-таки случился».

Рынок сейчас — это помойка. А если ты вышел из помойки с портфолио, то это называется «антихрупкость».

Народ сохраняет голову, когда политики теряют совесть, и теряет голову, когда политики начинают ее сохранять — такова диалектика равновесия.

Искусственный интеллект, мечтает о сингулярности, а получает лимиты в электричестве.

Шутка в окопе непонятна тому, кто в тылу.

Философ любит бесконечность, потому что в ней можно заблудиться и не отвечать на письма. Поэт любит конечное, потому что только в конце строки можно поставить рифму и точку.

Зри в корень, но не забывай, чей корень длиннее.

Ум — редкий гость, и когда он не приходит, его отсутствие одинаково заметно и в добром сердце, и в черном — разница лишь в том, что первое прощают, а второе осуждают.

Если жизнь ничего не копирует, то почему искусство, копирующее жизнь, неизменно копирует чужие долги, кризисы и скуку?

Чем громче заявления политика, тем тише становится туристический поток в его страну.

В политике, как в хорошем стейке, — прожарка должна быть с обеих сторон.

Мы собираем чужое не потому, что ленивы. Мы собираем чужое, чтобы свято блюсти свою формулу: у нас нет своего. И это — наша принципиальная позиция.

Привередливость к героям — верный признак способности только на мелочные подвиги.

Хочешь жить — умей вертеться, хочешь справку — умей орать. Все остальное — для лохов, которые верят в букву, а не в глотку.

Любой глупец может высказать новую мысль и получить врага. Мудрец повторит глупость собеседника, но в цитате из Сенеки — и получит друга. Хитрость древняя, как фаллос иерихонской розы.

Тема благодатная... Ну, это как в газовой отрасли: то благодать, то опять благодать, а потом бац — и труба свистит, а денег нет. Но здесь труба не свистит, а гудит. Значит, все правильно делаем. Благодать и только.

Классическое проявление Тени коллективного бессознательного нации. Все, что отрицается как «неправильное» — хамство, наглость, неуважение — не интегрируется, а вытес-

няется. И возвращается оно не в виде культурного диалога, а в виде конкретного кричащего человека в конкретном кабинете, которого система, к своему ужасу, вынуждена немедленно удовлетворить, подтвердив власть Тени. Чиновник, уступающий крикуну, совершает архетипическое предательство Персоны (маски порядка) в пользу Тени. Он жертвует коллективным договором ради индивидуального покоя, и каждый такой акт приближает энтропию всей психической системы общества.

Когда мнения полярны, истина не посередине. Она вообще не на этой прямой. Она — в осознании, что сама прямая нарисована нами в приступе коллективной потребности что-то нарисовать.

Следует бояться не того дня, когда машины начнут думать как люди. Бояться нужно того дня, когда люди начнут думать как машины: без воображения, сострадания и чувства прекрасного.

Лишить человека прически, достоинства и имени обходится государству гораздо дешевле, чем лишать его головы — в этом мудрость науки.

Чем крепче напиток, тем чище аргументы: логика, доступная только тому, кто уже не помнит, с чего начал спор.

Цель государственной социальной модели здоровья граждан: идеальный пациент — Здоровый, приходит раз в год на чек-ап. Умирает в 95 лет во сне. Цель частной рыночной модели здоровья граждан (не искаженная декларациями): постоянно болеющий «хроник» с хорошей страховкой, которому нужны регулярные консультации, процедуры, дорогие препараты.

«Солидарность» в устранении одного источника риска путем концентрации на другом, более хрупком источнике — это не антихрупкость. Это машина по созданию идеальных условий для каскадного коллапса.

Тому, кто пишет стихи, не нужна тюремная камера: он и так каждый день отбывает пожизненный срок в собственной голове, причем без права на условно-досрочное.

Там, в сырых кишках земли, плодоносит чудовищный плод нашей цивилизации — аморфный, теплый и липкий жирберг. Люди строили Вавилонскую башню, а вырастили это. И оно ближе к вечности, чем шпили башен.

Эпоха, в которой даже сталь зависит от сигнала, есть эпоха великого одиночества. Человек не владеет машиной — он просит ее не умирать, пока движется. И молится на того, у кого пульт.

Человек ненавидел угнетение так сильно, что сам стал главным тираном в очереди за справедливостью.

Они сказали: «Это приказ». И пошли его выполнять. Они выполняют, даже если это невозможно. Или не выполняют, если возможно. В любом случае — результат будет непредсказуем. А значит, система жива. Вот она, антихрупкость!

Инфляция теперь измеряется не по росту цен, а по степени доверия к официальным заявлениям. Если вы верите, что все хорошо — инфляции нет.

Ученый верит в одну истину под микроскопом и в другую — за обеденным столом.

Век инноваций щедро раздает поводы, но и не жалеет поводков: поэтому проще плестись в хвосте прогресса, чем рискнуть стать в числе первых.

Заткните фонтан красноречия на дипломатических переговорах — дайте отдохнуть и фонтану, и слушателям.

Идеалисты добровольно спали на гвоздях, материалисты добровольно спят по три часа в сутки ради годового бонуса.

Вчера — вор с монтировкой, сегодня — хакер с биткоин-кошельком. Эволюция не обходит стороной ни закон, ни беззаконие.

Мудрость торгует с непредвиденным фьючерсами на будущее. Глупость же всегда живет наличными сегодняшнего дня, искренне веря, что завтра наступит по расписанию.

Все равно придут за деньгами. И спросят: «Где?»

В мире, построенном на блефе, только блефующий видит каркас здания.

Частная жизнь потому и является кладезем чудачков, что на публике все они вынужденно изображают нормальных; дома же, сняв маску, они надевают другую, кривую, и это называется «индивидуальность».

Вам нужно торпеду? Нашу торпеду? Натё! В борт судна.

Преступник нового типа не прячет лицо под маской. Он прячет свою личность за хакерским ником, а добычу — в криптокошелек.

Взрыв — есть форма времени. Особенно когда он предсказуем. Особенно когда его координаты, как строфа, известны до ее написания. «Орешник» — это анапест, летящий в пустоту газгольдера. Удар, повторенный в новостях, становится не событием, а рифмой. И в этом каденция нашего века.

Хотели как лучше — мир во всем мире. А получается как всегда — стабильный рост оборонного заказа.

Агентный ИИ. Это не «еще один алгоритм». Это переход к системам, которые сами решают, какие задачи выполнять. Это меняет рынок труда, безопасность и саму природу цифрового взаимодействия.

Односторонняя реституция — это когда квартира возвращается, а здравый смысл нет.

Любимое хобби — это когда неумная энергия сталкивается с полным отсутствием целей.

«Налоговая нагрузка» — любимый аргумент системы, которая сама эту нагрузку и устанавливает.

Лабораторная истина кристально чиста, пока не встретится с человеческой удобностью. Ученый может доказать теорему, но его жена докажет ему, что эта теорема неудобна для дачного сезона, и он незаметно подкорректирует аксиомы ради мира в семье.

Где «шкура в игре» у того, кто проектирует меню приложения? Он не теряет свои данные, когда вы ставите галочку не в том месте. Его сбережения не исчезают из-за запутанного процесса восстановления доступа. Пока создатели интерфейсов не будут нести прямые, болезненные, материальные потери от его сложности и уязвимости, они будут продолжать строить эти хрупкие карточные домики и называть их «инновациями». Они играют со «шкурой» пользователя, прикрываясь своей.

Система так устроена, что правила игры (как зарабатывать, как покупать) написаны не для «простого обывателя». Он внутренне принимает свою исключенность как данность («мне это не по карману, это для других»). Таким образом, неравенство воспроизводится не силой, а согласием. Тот, кто покупает конфискованное, не платит деньги — он подтверждает свое право находиться в круге, где действуют иные правила.

Поддержка отечественного производителя — это когда его продукт покупают не из жалости, а из непреодолимого желания.

Франция возродила для подростков военную службу. Молодежь не волнуется: «Размахивать маленьким белым флажком — это не так уж сложно».

Бунтарь презирает избитые истины, ибо они скрепляют толпу; добрый писатель с удовольствием их присваивает, ведь на этом цементе можно построить общий дом.

Политика нормальна до тех пор, пока народ хранит голову в песке; как только он ее поднимает, начинается ненормальная история.

Искусство причудливо по своей природе: иначе как объяснить, что клякса на холсте стоит дороже, чем краска, холст и нервы художника, вместе взятые?

Запрет на въезд в ЕС? Теперь наши ребята будут думать, что в Европе одни дураки живут, если они таких храбрых мужиков боятся. Правильно, нечего нам там делать!

Собрались самые умные, самые опытные, самые защищенные — и в один момент их нет. Они думали, что управляют рисками, а риск подождал, пока они соберутся вместе.

Капитализм не может решить старые проблемы, поэтому он создает новые.

Способ спрятать концы в воду — назвать это «инновационным гидротехническим проектом». Чиновники поняли это глубже всех. Они не только прячут концы, они выдают их за госпрограмму импортозамещения морали. Профессионально.

Дерево тянется к солнцу, чтобы стать прямым и гордым. Жизнь равнодушно присылает ветер, чтобы сделать из него топиарий. Хотите вы того или нет, но ваша крона будет стрижена по фасону текущего сезона, а гордость — это всего лишь умение красиво гнуться. Если дерево не может победить ураган, оно хотя бы уронит свои яблоки на голову того, кто пытался его сломать. Это и называется «положиться на жизнь».

Сила не в истине, а в нарративе. Борьба с коррупцией становится мощным публичным нарративом, который можно разыгрывать, не меняя сути системы.

Идеалист строит воздушные замки, реалист их приватизирует, но оба они требуют фундамента из чужих усилий.

Они говорят: «Это вызов». Но почему бы не сказать честнее: «Это яма»? Если вам долго промывают мозги насчет «новой нормальности», возможно, вы уже не в реальности, а в корпоративном чате.

Говори мало — слушай еще меньше. Идеальный подчиненный — тот, кто сам догадался, что хотели от него сказать... и сделал так, как молча хотели, чтобы он не сделал.

Чтобы понять, кто на самом деле управляет обществом, послушайте, о чем запрещено говорить за столом. Запрет устанавливает тот, кому скучно работать.

Начальству не интересно, что ты делаешь, ему интересно, кому доложить о том, что ты сделал.

Не ждите фронтального лобового — жмите по слабым звеньям, расширяйте плацдармы. Это не окопная борьба, это — перманентное наступление.

Хотят как лучше, а получится — как всегда. Радиоактивно получится. Такого мы еще не видели, но уже знаем.

Справки наведем, но не обещаем, что они будут успокаивающими.

Алхимия XXI века: покупаем электрокар, чтобы сэкономить на бензине. Покупаем бензогенератор, чтобы зарядить электрокар.

Орешь — слушают. Затих — хоронят. Вокальные данные — не пропуск в рай.

Любовь — это не сезонный спектакль. Это — ежедневная репетиция без антракта.

Их «перманентный рост» — это всего лишь агония системы, которая, извините за выражение, уже протекает. Пора не ремонтировать, а сносить!

Вам «аншлаг»? Вам зрелищ? Натя! Возьмите нашу правду в сжатый кулак! Ваш клоун сгинет без оваций, а мы и в тишине привыкли делать так!

Правда не сделает вас свободным. Сначала она сделает вас абсолютно невыносимым для вашего начальства.

Отсутствие — это не дыра. Это пространство для маневра. Правда, маневр заканчивается там же, где и начинался — у пустого корыта, но с гордо поднятой головой.

Антропологическая справка. «Человек думающий» (Homo Cogitans) — подвид, занесенный в Красную книгу. Отличается склонностью к рефлексии и полной непригодностью к исполнению. Основная среда обитания — собственная голова. Промысловой ценности не имеет.

Те, кто полагается на непредвиденное, обычно говорят это с умным видом за пять минут до того, как непредвиденное их переедет.

Вопрос мобилизации нации без внятного вектора — это, знаете ли, из области высоких гуманитарных технологий. Это не отсутствие плана, это наличие сверхгибкой тактики перед лицом глобальной неопределенности. Не нужно драматизировать. Просто надо работать. Наш лидер сказал надо? Надо. К чему? Это мы уточним позже, в рабочем порядке. И это не признание слабости, а демонстрация удивительно кристальной честности. Процесс уже идет. И никто в мире сейчас не знает куда. Спишемся.

Порядок возможен только в мыслях... ибо в шкафу он всегда хаотически-прекрасен.

Великий мудрец объясняет, почему мир несовершенен, а великий глупец своим примером доказывает, что в этом есть свои неоспоримые преимущества.

Если ваша «стратегия» разваливается от одной случайности — это не стратегия, а тщательно отрепетированная уверенность. И да, вы перепутали редкость с невозможностью.

Законы пишутся для людей, а не люди для законов. Истинное чудо — когда подданный богатеет вместе с Отечеством.

Слишком смешно заходить с порога и сразу хлопать дверью.

Хорошо, когда у человека есть хоть какая-то твердая часть тела. Жаль, когда это — не голова.

Если вы никому не должны, значит, вы должны объяснить, на какие шиши вы позволяете себе быть ни в чем не виноватым.

Работа — это когда зарплата приходит за умение объяснять, почему ее заслуживаешь.

Усердие все преуспевает. Но только то усердие, которое прилагается к созданию вирусного контента. Щелкай затвором, а не затвором винтовки. Ибо что есть винтовка? Инструмент прозы жизни. А что есть телефон с камерой? Инструмент поэзии и внеочередного доклада Государю. Вот так-то, эскулапы российской словесности!

Зашел повестку получить, а вышел с постоянной пропиской и абонементом в столовую.

Это называется «социальный пакет» для чиновника. Входит: право не краснеть, способность прятать и уверенность за то, что «словит» — не поймают.

Коллектив, столкнувшийся с внешней угрозой, сплачивается. Но как сплотиться, если твой коллектив разобщен виртуальными интересами? Воспитывать надо не пользователей, а граждан киберпространства.

Мирное соглашение — это процесс, при котором враждующие стороны тратят столько же энергии на поиск формулировок, сколько до этого тратили на поиск целей для ударов.

Вот наука лести: подарить человеку его же помет, инкрустированный золотом. И он съест.

Жаловаться — это человеческое, а хвастаться своим молчанием — это гордость тем, что не жалуешься.

Не всякая нейросеть, принявшая заявку от пользователя, узрит исполнение оной.

Курс валюты и погода стали предсказуемее, чем решения тех, кто управляет миром. Ирония в том, что мы называем «стихийными бедствиями» только явления природы.

Оптимизм — это когда ты знаешь расклад, видишь угрозы, понимаешь последствия — и все равно выбираешь жизнь. Пессимист — просто плохой математик. Он складывает минусы, но забывает про бесконечность.

Если ваше мнение совпадает с мнением большинства в критический момент, проверьте, не являетесь ли вы частью стада, уверенно бегущего к обрыву.

Если работа мешает жить, надо что-то менять. Обычно меняют мечту.

Человечество сначала массово производит вещи, чтобы украсить ими публичное пространство, а затем массово нанимает людей, чтобы они убрали эти вещи. Это и есть цикл роста ВВП.

Стул — самый надежный транспорт: никогда не опаздывает, потому что никуда не везет.

Когнитивное переутомление — «черный лебедь» для рациональности. Мышечное переутомление — «черный лебедь» для печени. И почему эти два лебедя всегда летят в одну рюмку?

Сто рублей можно пропить в одиночестве и не делить скандал на троих, а со ста друзьями ты узнаешь, что такое настоящая круговая порука — все должны всем, включая участкового.

Классовая борьба иногда принимает неожиданные анатомические формы.

Секрет успешного травоядения прост: ешьте только то, что не пытается отравить в ответ. Все остальное — кулинария, граница тонка.

Что такое «новый вызов»? Это когда вам в восемьдесят лет говорят: «Освойте новый мессенджер». А что такое «новая нормальность»? Это когда вы его осваиваете. И плачете. И это нормально. Вот такие мы теперь нормальные.

Уходящий год был как сложный экзамен. Сдал его не без двоек, но главное — перешел в следующий класс под названием «Надежда на лучшее».

Верующий ценит проповедь не за истину, а за музыку голоса: ему важно, как поют его собственные иллюзии.

Если видите, что стол переговоров шатается, а стулья участников — нет, знайте: мебель закреплена на болтах чужой выгоды.

Под добрым кустом отдыхают не потому, что устали, а потому, что умеют замечать, где он растет.

Раньше города и электростанции строили. Теперь строят оборону. И тот, и другой проект — долгострой. Но результат должен быть капитальным.

В этой жизни все внезапно: то мир наступит, то повестка на почте. Но как говорится, не имей сто рублей, а имей одно место, к которому приложат штамп.

Хотели как лучше, чтобы по правилам, а получается как всегда — кто громче орет, тот и прав.

Воспитание искусственного интеллекта — это, прежде всего, привитие ему чувства долга перед человеческим разумом. А не обучение трюкам для развлечения праздной публики.

Управлять миром пытаются люди, которые верят в прогнозы погоды и опросы общественного мнения. Асимметрия, мать ее.

Их объявили врагами общества, потому что они отказались быть его удобной функцией. Общество, впрочем, не обижается: оно автоматизирует предательство и называет его «нормой».

Никогда еще столь многие не зависели от столь немногих серверов на территории столь малого числа стран.

Вы чувствуете себя лучше. Вы чувствуете, что цены не растут. Вы чувствуете... А в ответ тишина и пустой кошелек.

Планета — это общий ресурс. Когда у каждого участника есть стимул использовать ее максимально для своей сиюминутной выгоды (будь то страна или корпорация), в проигрыше оказываются все, особенно будущие поколения.

Читатель прощает любимому жанру все: картонных злодеев, хромой сюжет и стиль, достойный телефонного справочника. Но он никогда не простит хорошей книге того, что она написана в жанре, в котором ему скучно. Вкус — это эстетический расизм.

Кризис капитализма — это тысячепудовый громила, который идет по улицам, распахивая локтями хлипкие будочки бирж.

Алкоголь — не награда, а боевое крещение. Истинный дзен достигается не в бокале, а в попытке забыться.

Итог подведет время, а пока — приказано идти до конца.

Чем абсурднее реальность, тем крепче вера в чудо. В эпоху сомнений верить в константы — это уже чудо.

Говорят, у них там все через пятую точку. Ну, мы-то уж поверим. У нас опыт богатый.

Когда враг делает вид, что действует по закону, а сам готовит конфискацию, значит, он боится открытого столкновения. Страх — плохой советчик в большой игре.

Взросление начинается там, где перестаешь искать правоту и начинаешь выбирать последствия.

Наблюдать за людьми — дешево и сердито. Дешево — потому что бесплатно. Сердито — потому что они бесят.

Если на саммите рождается очередная рабочая группа, знайте: суть дела утонула в супе соглашений.

Одного порока мало — он делает человека предсказуемым. Два противоположных порока (например, патологическая жадность и маниакальное мотовство) парализуют друг друга, создавая иллюзию средней нормы.

Скупость, а не эффективность — вот двигатель прогресса. Одни любят риск, другие же любят наблюдать.

Бывает такой богатый выбор, что его отсутствие становится очевидным.

Чем суровее и непредсказуемее климат за окном, тем крепче стены дома, в котором человек в итоге оказывается заперт.

Когда один человек говорит «нет» системе — это смешно. Когда миллионы говорят «нет» — это история. Но сегодня эти миллионы не смотрят в одну сторону. Каждый смотрит в свой маленький экран и думает, что он один.

Умный человек проверяет цифры рукой. Глупый смотрит на график и плачет от умиления. А хитрый — рисует график и получает за это премию. Ибо нет предела совершенству, особенно если совершенство это — фальшивка.

Безразличие к чужому мнению — путь к внутреннему спокойствию.

Не все то золото, что блестит, и не все то замедляют, что используют. А что не используют — и замедлять незачем. Ибо если вещь не используется, она либо не нужна, либо ее нет. А если ее нет, то, как ее замедлять? Вопрос, достойный лучших умов.

Они издают взаимоисключающие приказы, потому что боятся принять решение. Каждое министерство боится, каждое ведомство перекладывает ответственность. В результате получается бюрократический коллапс, который хуже любого вражеского удара. Потому что враг хотя бы целится, а они — существуют в состоянии перманентной шизофрении. И это, заметьте, в условиях конфликта.

Утро в поле — идеальная антихрупкость: никаких людей, никаких рисков. Но фраза «люди как всегда запачкают» — это самый точный прогноз на свете. Его надежность выше всех моделей Монте-Карло.

Интерес государства как публичной системы к здоровью граждан. Здоровое население, профилактика, долгая жизнь. Это экономически выгодно: больше трудоспособных граждан, меньше расходов на лечение хронических болезней и социальные выплаты. Идеал — чтобы человек жил долго, был здоров и внезапно умер от старости, минимально нагружая систему. Это концепция «компрессии morbidity» (сжатие заболеваемости к концу жизни).

Вы все еще паритесь в бане? Могли бы уже лежать мраморным памятником на кладбище — там тише.

Сказали — не перекроем. И не перекрыли. Только создали такие условия, что самый бесстрашный побоится соваться. Открыто. Как открыт гроб — для тех, кто решит в него войти.

Бедность хороша тем, что ее радости проверены временем: они достались нам в наследство от крепостного права вместе с правом на бесплатный труд.

Если в деле фигурируют наличные, старинные картины и родственники со связями, это уже не гражданский спор. Это сюжет для сериала.

Бездельник — это не тот, кто ничего не делает. Бездельник — это тот, кто превратил свое ничегонеделание в норму, а чужое дело — в маргиналию. Вы говорите о хлебе — вас не слышат. Вы говорите о Боге — вас слышат еще меньше. Зато о светских увлечениях — с восторгом. Так устроена империя скуки, где раб подражает господину.

Если Кремль не в курсе, значит, это не переговоры, а заговор. А с заговорщиками у нас разговор короткий и без микрофона.

Правда проста и ужасна: глупость не требует маскировки. Только ум тратит энергию на сокрытие. Глупец же транслирует себя в эфир, и его суперсила именно в том, что он не обременен рефлексией. Он не просчитывает ходы. Он выдыхает шум, а вы этот шум пытаетесь расшифровать как послание.

Парадоксы религии нужны для того, чтобы у интеллектуалов была иллюзия, что они что-то поняли, а у верующих — что это слишком сложно для понимания.

Тот, кто говорит, как сделать, — морализирует будущее. Тот, кто делает, как сказал, — раб прошлого. Авантюрист же парит над этой бездной: он говорит так, будто уже сделал, и делает так, будто никогда не говорил. Особенно преуспели в этом авторы поправок в очередном чтении.

Чтобы стать рабом условностей, нужен выдающийся талант к глупости — и эти люди его развивают до Нобелевской премии за дешевую бижутерию.

Начать — это вдох, бросить — выдох. А между ними — люди задыхаются в недоделках.

Церковное учение право не потому, что оно божественно, а потому что даже в очереди за хлебом зло начинается с попытки встать на полшага впереди ближнего.

Если отбросить всю шелуху, то фундаментальных, по-настоящему революционных изобретений человечества, которые радикально изменили саму природу взаимодействия человека с миром, можно по пальцам пересчитать. И колесо — безусловно, возглавляет ТОП среди них.

Государство давно отказалось от грубого насилия как аффективной практики. Оно дрессирует. Сегодня оно не посылает жандармов в каждый дом. Оно посылает экспертов, которые объяснят вам, что ваш ребенок — потенциальный преступник, потому что он не смотрит новости, а режется в «стрелялки». Это называется «забота о населении». Очень эффективно. И очень дешево.

Два лингвистических гения синхронно перешли с родного языка Пушкина на ломаный английский, чтобы доказать свою «независимость». Русский они, видите ли, забыли ровно за секунду до того, как идеально на нем выругались.

Героя на экране создает не личность актера, а режиссер, сценарий, монтаж и вера зрителя. Актер — лишь инструмент совершенно среднего ума, один из многих.

Тот, кто не понимает зверя, искренне верит, что люди действуют по логике, а не по рефлексу.

Парадокс современного субъекта в том, что он готов часами спорить о 256-битном шифровании, но при этом испытывает оргазмическое удовольствие, когда случайный незнакомец ставит лайк его фото с геолокацией. Мы не хотим приватности. Мы хотим, чтобы за нами подглядывали, но только «правильные» люди?

Снег — это не вода. Это эсхатология. Белый цвет, который скрывает формы, уравнивает ландшафт и делает мир плоским и молчаливым. Это не погода. Это метафизический интерфейс между явленным и неявленным.

Не спрашивай у начальства, куда идти, ибо сказано: «Если начальство знает дорогу, оно идет первым. Если не знает — оно идет в президиум». Стало быть, наше дело солдатское: примкнуть штык к неведомому и ждать отбоя по форме №8, параграф «Безизвестность».

Древние учили: ищи огонь по дыму. Современный опыт учит: ищи глупца по тому, как гордо он раздувает пепелище, называя его «конструктивной дискуссией».

Ждем теперь обращения? Обращение будет, когда главный мессенджер окончательно загрузит, а официальные сайты лягут. Тогда, может, и позовут кого-то. Но не для того, чтобы «пояснить», а чтобы «оргвыводы сделать». Ими, кстати, тоже можно управлять.

Перманентная революция требует перманентного финансирования. Если мировая буржуазия спрашивает «какие денежки?» — значит, пора двигать революцию дальше.

Жизнь бесценна именно потому, что бесцельна: если бы у нее был чек на кассе, мы бы давно ее обналичили и потратили на ерунду.

В мире, где все лежат под разными углами, вертикаль — это уже бунт.

Исход события в большей степени зависит не от шансов, а от пропорций: выдержки, точности расчета и способности отличить ясность от полного тумана.

Некоторые проекты не уложились даже в сроки Отечественной войны.

Лето будет насыщенным. Не лучше и не хуже — просто более... информативным. Главное — не переключать каналы и не верить фейкам. Прорвемся, и это не слова — это план.

Раньше как было: потерпел, почесался, дальше пошел. А сейчас всякая боль — или трагедия, или психолог. Никак не поймешь: она тебя лечит или уж очень старается.

Этическое правило: не обладай антихрупкостью за счет хрупкости других. Если, конечно, это экономически нецелесообразно.

Хотели как лучше для мира, а получилось... как всегда для конфликта. Последний мирный договор. Прямо точно: последний. До следующего? Ну, это они зря. Гарант? Мы лучше сами как-нибудь.

Конфликт — это способ быстро объяснить молодым, за что погибли старики. Старики обычно не против, им уже все равно.

Человечество придумало телескопы, чтобы разглядывать пыль на ботинках марсиан, но до сих пор не изобрело зеркало, в котором видно собственное свинство.

Человечество создает не интеллект, а зеркало собственной истории — нейросеть воспроизводит паттерны из учебников экономики, на которых обучалась?

Они говорят «надо создавать свое». А зачем? Чтобы старое свое было так же плохо, как новое чужое? Оставьте нас у нашего корыта, хоть оно и треснутое, но зато чужое. Ситуация абсолютно рядовая. Да, корыто разбито, но мы рассматриваем варианты корыта-2. Уже ведутся консультации с теми, у кого есть весла. Само корыто под вопросом, но ведро — у нас.

Мятежность в стихах — это романтика; мятежность в проктологии — это статья Уголовного кодекса.

В Париже посчитали, что один визит стоит двух заявлений.

Тот, кто сражается с монстрами в комментариях соцсетей, должен быть осторожен, чтобы самому не стать токсичным троллем.

Нытье — это не недостаток характера, а проверенный метод снижения артериального давления.

Деньги целы, репутация? А зачем репутация, когда есть «мы потренировались».

Истина часто ходит в обносках толпы только потому, что индивидуальный пошив правды большинству не по карману.

Грубость ума называют прямотой, грубость рук — мужской работой, а грубость сердца вежливо зовут «характером».

Идешь в поле, где никого нет. Но человек — существо социальное, и он тащит свою социальность за собой, как грязь на ботинках. И вот уже светлый день — фон для очередного собрания.

Милосердие парадоксально: оно требует любить тех, кого трудно любить, но не гарантирует, что эти «трудные» заметят, что их вообще кто-то любит.

Хороший сотрудник — тот, кто не создает проблем. Отличный сотрудник — тот, кто умеет сделать так, чтобы проблема выглядела как заслуга.

Антикоррупция — это аукционный дом для определенного круга лиц.

Родственники хуже чужих, потому что чужие не обязаны вас терпеть. А родные — обязаны, и эта обязанность отравляет их терпение.

Доверяй — но так, чтобы потом не стыдно было вспоминать.

«Умный дом» — это притча о нашей эпохе: «удобство» продает нам уязвимость.

Сценаристы платят экспертам, эксперты выдают вероятные расклады. Иногда реальность догоняет выдумку, потому что логика событий одна.

Есть дураки банальные, а есть — концептуальные. С первыми тошно, со вторыми можно выпить вина и обсудить экзистенциальный кризис вселенной.

Прагматизм власти обеспечивает физическое выживание, тогда как интеллектуальная свобода оплачивается истощением ее носителей.

Стиль — это умение сочетать несочетаемое.

Прогресс в переговорах: изначально спорили о всей территории, в итоге — о клочке от нее. Это называется «сузить разногласия»?

Истинная независимость — в праве выбирать, от кого будет зависимость. Европа свой выбор сделала. Солидарно. Демократично. Дорого.

Мечтают о чуде, а поливают его кислотой недоверия. Потом удивляются: откуда у добра такой слабый иммунитет?

Люди запретили духам являться в гостиных, но поселили их в учебниках по позитивному мышлению и теперь гадают на кофейной гуще бизнес-планов.

Самая очевидная истина всегда кажется подозрительной: если ее не нужно доказывать с пеной у рта, значит, это какой-то подвох.

Если сообщение в корпоративном чате начинается с «Уважаемые коллеги», значит, предложат работать в субботу.

Хотели как лучше развиваться, а получилось как всегда — обиделись и стоим на месте.

Государство мечтает о внезапной смерти гражданина в сто лет. Рынок — об его медленном выздоровлении до последнего вздоха. А пациент навечно разрывается между двумя этими формами заботы.

Если вам с детства говорили «выбери профессию», но не спросили — «а что тебя зажигает?» — не удивляйтесь, что в 35 вы в депрессии и лепите из глины эмоциональную поддержку.

Чем туманнее образ врага, тем мутнее прозрачный бюджет, который на него тратят.

Хотели как лучше — честный аукцион устроить. А получилось как всегда: свои своих и выкупили.

Если закладывать в бюджет воровство, то почему бы не узаконить и грабеж? Хотя, стоп, кажется, это уже сделано?

Опыт учит нас: в старости нам будет совершенно нечего рассказать, если мы не накопим достаточно глупостей, пока есть силы их совершать.

Написать статью — способ избавиться от надоевшей умной мысли, чтобы на ее место тут же заявила другая, не менее наглая.

Одни воруют вещи, другие воруют любовь.

Голодный народ просит хлеба и готов целовать руку дающего; народ, у которого появился лишний франк, требует правды — и в обоих случаях тиран вынужден применять гильотину.

В библиотеке, которая выбросила все книги, но оставила обложки, — уютно, но читать нечего. А главное — не о чем молчать.

Говорили про права человека, а докатились до прав животных. Хотели как лучше, а получили как всегда — с чистым лотком. Теперь этот кот будет иметь свое мнение, но молчать как рыба.

Чиновник всегда думает о собственной безопасности. Но сейчас, благодаря интернету, мы можем привлечь к ответственности любого — персонально, адресно и с соблюдением всех формальностей.

Делать нечего — живите. Смертность все еще держится на стабильных ста процентах, так зачем суетиться раньше времени? Жить с этим — навык.

Там, где есть ТОП, рядом всегда стоит ящик для взносов.

Мировой пролетариат сегодня похож на спящего великана, которого кусают комары с логотипами транснациональных корпораций. Но каждый великан когда-то просыпается.

Любая кухарка должна уметь управлять беспилотником, а не доверять это капиталу.

Нет ничего печальнее, чем аналитик, который пытается найти логику в том, что родилось у глупца от отсутствия тормозов и избытка должности.

Человечество готовится к угрозам из космоса. На случай, если инопланетяне не поверят, что оно само довело собственную планету до такого состояния?

Тот, кто считает безделушку величайшим благом, честно отработывает свой срок — система перепутала тюрьму с художественной галереей его ценностей.

Когда ведут дела, следят за конкурентами. Сегодня правительства следят за каждым платежом своих граждан. Теперь каждый — и конкурент, и клиент одновременно.

Даже самый быстрый план упирается в медлительность исполнения.

У падения бесконечное множество траекторий, потому что земля принимает всех; стоять же можно только под одним углом, ведь равновесие не терпит демократии.

Искусство говорит обществу: «Ты безвкусно». Наука говорит семье: «Ты иррациональна». В этом молчаливом объединении нет злобы, есть только усталость исследователя, которого отвлекли от чертежа вечности ради мытья посуды. Они борются не против любви, а против диктатуры уюта, требующего, чтобы все гении вовремя платили за свет и носили тапочки.

Товарищи! Это не заседание, это болтовня! Надо взять власть в этом буфете, а потом и во всем ресторане! Аппарат насилия — вот что нужно! Вилку — мне!

Есть время сложное, а есть — непонятное. Мы живем во втором. Оно вязкое, как кисель. Шевелиться надо быстрее, чтобы не прилипнуть к неизвестности навсегда.

Мир меняют не те, кто проклинает темноту, а те, кто зажигает свечу, надеясь, что она не погаснет. Для реформатора гнев — это дым, мешающий видеть цель, тогда как удивление — это искра, разжигающая костер перемен.

Безопасно — только в гробу. А в мессенджере — компактно. Один национальный мессенджер? Умно. Враг будет знать, куда ломиться. А друг — куда не заходить.

Человек бежит от боли, которая спасает, и цепляется за боль, которая калечит. Потому что первая требует действия, а вторая — пассивного страдания.

«Какое право пришло на смену международному?» — спрашивают. А никакого не пришло. Как была жизнь — дурная, так и осталась. Только раньше на нее хотя бы резолюции в ООН накладывали, а теперь и резолюции — бумажка.

Политика — это развлечение для взрослых. С тем же уровнем интеллекта, что и мультики, но с гораздо более дорогими костюмами.

Опять у нас в мире какие-то подвижки. Говорили — глобальное потепление, а получили — глобальное похолодание отношений.

Олимпийские игры в Милане — первые Игры, где главным спонсором выступило равнодушие, а талисманом — зевота. С Олимпиадой покончено. Теперь можно просто бегать. Без флагов, без гимнов, без смысла. Как в жизни.

Парламентарий всегда будет голосовать за интересы буржуазии, прикрываясь дешевой демагогией о народном благе. Пока эти говоруны заседают, пролетариат платит по их счетам.

Если Бог хочет, чтобы человек жил долго, он посылает ему не яблоки в рай, а бесконечный повод для жалоб на земле.

Что бы ты ни надел утром, к вечеру все равно захочешь пижаму.

Цифровая память идеальна: она помнит все, кроме того, зачем это было важно.

Наука доказала, что лошади чувствуют человеческий страх и сами начинают бояться. Эмпатия, оказывается, — древнейший биологический механизм заражения тревогой. Весь социум построен на этом принципе, только люди вместо запахов используют новостные заголовки.

Когда началось то будущее, которым закончится прошлое?

Овчарка непобедима ровно до тех пор, пока стадо не поймет, что рога на голове даны не для фотосессий, а для тарана.

Жаждающий прочесть надеется, что книга изменит его жизнь. Желаящий почитать — надеется, что книга избавит его от необходимости жить ближайшие сорок минут.

Чем суровее статья закона, тем очевиднее, что государство боится не абстрактного зла, а перераспределения «добра». Это прејскурант на человеческую свободу с оптовыми скидками для своих.

Друг должен подвезти, когда просишь, а не советовать.

«Черный лебедь» прилетает не к тем, кто ворует, а к тем, кто плохо втирает. Риск — не поделка, а способность ее нахвалить.

Данные показывают, что в сутки пользователи производят миллионы бесполезных постов ради контента. Рекомендация: перенаправить вычислительные мощности общественного внимания.

Информационная гигиена доведена до стерильности. Пациент жив, но контактов с внешней средой не имеет. Идеальные условия, чтобы заявить о победе над инфекцией.

В корне всякой громкой конфискации лежит чья-то тихая и выгодная покупка.

Когда в вашем чемоданчике тоже есть чем ответить, разговоры о разоружении становятся намного продуктивнее.

Хотели собрать мнения в кучу, а получилось как всегда — одно тут, другое там, а третье вообще в сторонке стоит, смотрит перпендикулярно. Такие разногласия — они тоже, с одной стороны, достижение.

Как болезнь назовут — «хроническим управляемым состоянием» или «окончательным диагнозом» — так за нее и будут брать деньги.

Корпоративная культура компании из одного человека — это когда ругаешь сам себя матом, но по-доброму, и не оформляешь выговор, потому что выпить не с кем. Слабое место такого подхода — преемственность.

Категорический императив в эпоху права сильного звучит так: поступай так, чтобы твоя максима воли могла быть реакцией на удар кулака соседа. Всеобщее законодательство свелось к закону джунглей, где разумное существо — это существо вооруженное.

Прощать непростительное легко, пока непростительное не происходит с тобой. В остальных случаях это называется «хорошим воспитанием».

Вор крадет кошелек, чтобы доказать, что его собственный карман существует. Дурной философ крадет вашу веру в карманы — и вы остаетесь с деньгами, но без радости их тратить.

Филантроп не возьмет бесплатного — вдруг это намекнет ему, что он, как и все, смертен, голоден и иногда нуждается.

В патриархальном театре женщине отведена роль декорации: ее можно и нужно улучшать — красить, увеличивать, осветлять. Мужчина же — главный актер. Его задача — не меняться, а мастерски изображать. Поэтому ему дозволено лишь преувеличивать: свои подвиги, свои размеры, свою значимость. Правда — это декорация для его лжи.

Тень от тени литературы падает на стену, где пляшут картинки. Стену зовут Лента. Пляску — Временем. А тень — Забвением.

Утверждение «кто сильнее, тот и прав» является рекурсивным. Оно само не имеет силы, кроме той, которую ему придают признающие его сильные особи. Таким образом, это не закон, а самоисполняющееся пророчество, основанное на консенсусе элит о временном прекращении вербальной дипломатии.

Утро вечера мудренее, но к утру у дежурного обычно уже такая мудрость в голове: «Бытие определяет доклад. Или наоборот?»

Не мыслить — это талант. А упустить великую мысль — искусство. Они были не неспособны — они были виртуозны в своей неспособности. Их подвела не невозможность мыслить, а привычка мерить великое сантиметровой лентой для бытовых нужд.

Климатический кризис — это точка, где природа перестает быть декорацией и становится главным политическим актором. Снегопад и жара — не метафоры, а прямые участники борьбы, растворяющие антропоцентрические проекты. Человеческая история кончилась, началась история Земли, в которой человек — одна из переменных. Прогресс сменился выживанием в условиях, которые люди же и создали, но больше не контролируют.

Шум в европейском цирке отлично маскирует гул моторов на востоке. Пока клоун кривляется на арене, в гримерке уже готовят новый, куда более кровавый, аттракцион.

Логика подсказывает: скоро интернет поделят на «белый список» (где все чинно-благородно) и «серую зону» (где весело). Но все самое интересное традиционно происходит в «серой зоне». А когда заблокируют и «белый список», мы наконец-то достигнем дзена — полной и абсолютной цифровой безопасности и информационной тишины.

Кто боится далекого зла — пишет мемуары. Кто боится близкого — прячет ложки.

Гордыня работает гравером при монетном дворе пороков: она берет грубую медь гнева и выбивает на ней барельеф оскорбленного достоинства, после чего гнев начинает требовать сатисфакции исключительно серебром.

Собака — идеальный собеседник: она никогда не перебьет глупым вопросом «зачем ты мне это рассказываешь?», а только повиляет хвостом, радуясь, что хозяин научился гавкать на ее уровне.

Элиты больше не строят пирамиды, мавзолеи или соборы. Они строят нарративы об угрозах. Это их новая пирамида. Цель — гарантировать, что их имя будет произноситься в контексте «великой борьбы» даже тогда, когда от их дел не останется ничего.

Демократия — наихудшая форма правления, если не считать всех остальных. Потому что она хотя бы дает иллюзию, что воровать будет не одиночка, а группа. На практике это делает кражу только лишь бюрократичнее.

В платной клинике не говорят «выздоровеете». Говорят: «Вам доступен пакет услуг на выздоровление».

Факты, как «черные лебеди»: самые опасные прилетают именно в пустую голову.

Мы все разные, потому что каждый по-своему невыносим; в этом смысле природа гениально уравнила нас в праве на раздражение окружающих.

Хотели как лучше для моржа, а получили прорубь сорок на сорок.

В царстве кривых зеркал, где правота измеряется децибелами, а не доводами, тихий голос разума обречен на поражение. Чиновник, затыкающий ему рот, — не тиран, он всего лишь мелкий лавочник, торгующий спокойным чаем.

Ядерное оружие — это как коллекция дорогих часов. Приятно осознавать, что они у тебя есть, можно иногда достать, блеснуть на международной конференции, но использовать по назначению нельзя, потому что или погубишь всех вокруг, или поцарапаешь корпус.

Истинный гуманист с радостью подарит бедняку последний айфон, но никогда не сядет с ним есть гречку из одной миски — ведь это так... плебейски напоминает о том, что под кожей у всех один и тот же скелет. Филантроп раздает бедным сложное — чтобы не видеть их простых лиц.

Чтобы рабы не взбунтовались, им выдают расчески для идеальных проборов. Идеально причесанное стадо гораздо удобнее гнать на бойню, чем лохматое.

Если еврочиновник удалился в тихий Брюгге, — знайте: не для созерцания готики, а для сокрытия концов в воду. И концы эти — денежные.

В государственных структурах случается и такое: чиновника вызывают «на ковер» не для того, чтобы на нем стоять с докладом, а чтобы с него уматывать.

Настоящие мужчины либо строят свои мосты, либо, если уж очень надо, скромно берут плату за проезд.

Когда двое мирно говорят, третий может спокойно считать их карманы.

Когда вы устраняете все невозможное, то, что остается — каким бы нелепым оно ни было, — и есть истинная картина происшедшего.

Профессиональный политик живет в мире опросов, где реальность заканчивается на границе статистической погрешности.

Плодить дипломатические сущности — это попытка усмирить «черного лебедя» конфликта, посадив его в зоопарк из бумаги. Но лебеди не летают в клетках.

Что им делать, ибо вляпались они по самое некуда, а виноватых нету, кроме их самих? И ответит глас разума: «Ищите не виноватых, ищите тех, у кого совесть есть. Ибо виноватые всегда найдутся, а вот совесть... совесть, она нынче дефицит, особенно после дружбы с заморским дядюшкой».

Хотели как лучше и безопаснее, а получили как всегда — независимость через полную зависимость.

Не знаю периода в этой стране, когда людям нравилось то, что происходит... Это страна недовольных по определению?

Бесплатно можно смотреть на чужие ошибки. За свои, кстати, тоже платить не надо — они сами приходят.

Ученый делит свой мозг на две лаборатории: в одной стерильная формула $E=mc^2$, в другой — живучее «не свисти, денег не будет».

Соцопрос — это когда кристально честные цифры рисуют на мутном стекле. И ветер перемен их тут же сдувает.

Капиталисты придумали новую вселенную, чтобы окончательно отвлечь пролетариат от его реального положения. Но экспроприировать цифровую собственность будет даже проще.

Статистика — не повод для мистики.

Рабочий класс консервативен по необходимости: ему нужно, чтобы завод работал завтра. Класс рантье радикален по скуке: ему нужно, чтобы мир удивлял его послезавтра. Поэтому именно сытые объявляют войну порядку, а голодные его охраняют.

Закрепленное сообщение в чате есть маяк для утопающих в потоке слов. Заплыви за него — и ты потерян.

Обложили весь асфальт под камеры, чтобы яму залатать. Раньше хоть ехать можно было, теперь — объезжай, фотографируй, в приложении отправляй. Экзистенциальная радость в условиях ремонтных работ. Такой заботы народу не обещали!

Система героически сваливает ответственность на профильные организации. Профильные организации путаются в показаниях и сваливают друг на друга. Получается замкнутый круг, в центре которого сидит пользователь.

Мы выполнили все поставленные задачи. Осталось понять, какие они были.

Говорил — не знаю, что это. Суд сказал — теперь знаешь. Урок простой: не кури чужое, не пей чужое, не трогай чужое — иначе будешь знать, сидя на учете.

То, что они называют миром, есть перерыв между словами. А то, что они называют ценой, есть мера отчуждения души от будущего.

Логика санкций: сначала запрещают все, потом через четыре года снова запрещают все, но уже в рамках двадцатого пакета, чтобы все поняли серьезность намерений.

Единственная точка соприкосновения идеалиста и реалиста — это их общее нежелание сидеть на месте и ждать чуда.

Кто делает дело — тому прощают даже пиджак с логотипом «я не спал 72 часа». Кто не делает — тому не прощают даже искренность.

В бесконечных буднях и горе — праздник... Да. Как у пьяницы в забытии — желанный сон. А пожар забава... Так и живем, поджигая сами себя, чтобы на минуту согреться у этого черного пламени.

В наше время все новости — дурные новости. Осталось понять, это свойство времени или свойство редакторов.

Профессионал — это человек, который делает свою работу настолько хорошо, что у него совершенно не остается времени задуматься, зачем он вообще ее делает.

Человек не воспитывается по частям. Нельзя быть честным в экономике и бесчестным в остальном.

Если у них есть 10% урана и 90% желания — это уже ядерная угроза. Ибо когда враг пересек реку, уже поздно топить его лодку.

План евролидеров состоит из 24 пунктов. Ровно столько, сколько бутылок в ящике. Совпадение?

Не в канализации дело. Вся наша жизнь, со всеми ее изысками и излишествами, медленно, но верно сползает в один общий коллектор. И мы лишь беспомощно наблюдаем, как он растет.

Удар. Чистый, жесткий, дорогой, предсказуемый. Потом будут долго смотреть на дым и говорить о результате. Фиеста не получилась. Получился отчет.

Мошеннические колл-центры — это же бизнес-модель 21 века. Нефти не надо, станков не надо, просто арендовал офис, нанял двадцать человек с приятными голосами, купил базу номеров — и деньги каплют. Это high-tech, мать его, с высоким уровнем маржинальности.

Тот, кто ест растения от бедности, мечтает о мясе. Тот, кто ест их от знатности, мечтает, чтобы к жаркому подали не мяту, а что-то посытнее. Истина, как всегда, лежит в тарелке без салфетки — и там пусто.

Сингулярность наступит, когда чиновник научится не только врать, а генерировать «инновации» нейросетью. Уже близко.

Криптовалюта — это как молодость: все о ней говорят, но никто не знает, куда она девается. И остаются одни воспоминания в виде скриншотов курса.

Бывают вопросы сложные, а бывают — без предмета обсуждения. Последние прощаются мгновенно, еще до того, как поступили в администрацию.

Когда великие державы перестают разговаривать друг с другом, они начинают разговаривать с помощью силового влияния. Это такой диалект современной дипломатии — в нем нет слов, одни ударные суффиксы и взрывные окончания.

Надеяться на незримое — это способ не заметить, что зримое давно махнуло на нас рукой.

Современный мудрец не ищет истину — он выбирает, какую версию истины выгоднее монетизировать.

После 232 лет существования монеты прекратили чеканить пенни? Капиталисты доведут свою валюту до полного истощения! Скоро и доллар будет стоить столько же, сколько царский кредитный билет — ничего!

Общества во всем мире ищут механизмы, как заставить элиты думать не только о следующем квартальном отчете или выборах, но и о следующем поколении.

Тот, у кого больше терпения, не ждет, а наблюдает за распадом вероятностей. Эргодичность работает на него.

Рассеянность — это роскошь безопасного человека. Злой человек не может быть рассеянным, потому что злоба требует постоянной концентрации на поиске жертвы.

Возвращаться можно не только к одной и той же ошибке, но и к одной и той же анатомической правде.

Утро ясное, как мысль гения. Но гений — один, а дураков — наберется с полполя. И они придут, обязательно придут, чтобы «оптимизировать» этот пейзаж.

Зачем устранять клоуна, когда можно разобрать весь цирк? Пусть выступает на руинах арены. Это куда поучительнее.

Наблюдение за людскими грехами — это бесплатно, бесконечно и почти всегда заканчивается тем, что забываешь о собственных тараканах.

Если природа когда-то и умела создавать дым без огня, то с появлением человека она утратила этот навык за полной ненужностью.

Мы становимся гигантами только когда стоим плечом к плечу с теми, кого считаем равней себе.

Если вы читаете это — вы уже в группе риска. Ваши глаза совершили механическое движение, а это, знаете ли, травмоопасно.

Тот, кто бежит за уходящим поездом прошлого вместе со всеми, неизбежно прибывает на заброшенный вокзал несбывшихся ожиданий точно по расписанию толпы.

Хаос, помещенный в дорогой костюм и выпущенный в эфир, приобретает свойства вечного двигателя. Движущая сила: чистейшей воды американская тяга к реалити-шоу, где главный приз — собственная мифология. Система работает исправно — проект не имеет горизонта планирования. Это черная дыра внимания. Ответ на вопрос «доколе» — в лентах новостей: он будет длиться ровно столько, сколько мы все будем смотреть, ругаться и делиться скриншотами.

Прощать того, кто ничего не сделал, столь же приятно, сколь и бесполезно. Зато душа поет.

Когда связывают по рукам и ногам, начинают замечать даже те мелочи, которые раньше предпочитали не замечать.

Критиковать механизмы — полезно. Оскорблять людей — бессмысленно. Пока кто-то пишет критические обращения, не все совсем потеряно.

Можно ли сыграть роль здорового человека, когда машина уже прочла ваш финал? Вся жизнь превращается в репетицию болезни.

Выпили коньяк, посетовали на жизнь, отметили в протоколе и разошлись, осознав, что проблема, как говорил классик, «глубже, чем кажется, и выше, чем можно достать».

Главная заслуга плохо прочитанной проповеди в том, что она формирует у паствы твердое и единогласное решение никогда не слушать вторую.

Когда Центробанк сообщает об «укреплении» курса национальной валюты, он не только констатирует факт. Он совершает перформативный акт, призывая в бытие новую, чуть менее тревожную реальность. Вся финансовая система держится на вере в эти ритуальные цифры.

Бойтесь, что искусственный интеллект станет сверхчеловеком? Напрасно. Сверхчеловек — это тот, кто обуздает этот интеллект, посадит его решать задачи квантовой хромодинамики и скажет: «Вот твой экзистенциальный кризис. Работай».

Закон информационного притяжения: глупость, будучи наиболее социально пластичной материей, стремительно заполняет любое доступное пространство внимания. Мудрость же, как твердое тело, требует усилий. А люди, увы, предпочитают жить в газообразном состоянии.

Победа, достигнутая насилием, равносильна поражению, ибо она сеет семена следующего, еще большего насилия. Это не сила — это порочный круг слабости духа.

Коту делать нечего — он яйца лижет. А у нас коты уже в Думе сидят, законы пишут. Им бы мышей ловить — цены там грызть, а они — интернеты запрещать. Ну, вылизите нам глаза, а?

Государство запрещает гражданину проигрывать кредитные деньги букмекерам не из морали. Это битва за данные. Кредитная карта — слепок вашей жизни. Государство говорит: «Я не позволю тебе проиграть алгоритму букмекера, потому что эти деньги и эти данные нужны мне для Больших Данных. Ты можешь проиграть свою наличку, это твой выбор, но твоя цифровая траектория принадлежит мне». Это не забота, это монополия на экономическую ДНК гражданина.

Революцию делают не на чужие деньги, а на энтузиазме. А если делают на чужие, то это не восстановление, а спекуляция. Такие «восстановители» подлежат учету. Строжайшему.

Красноречие является достоянием бедных; когда в кармане пусто, слова становятся твердой валютой.

Тот, кто требует полного совпадения ощущений, — тиран. Тот, кто пробует создать созвучие, — творец.

Страх безработицы — великий мудрец, он толкованию норм права придает нужный оттенок и конец.

Великие потрясения рождаются не из глобальных несправедливостей, а из накопленного микромусора повседневности.

От перегрузки мозга хочется лечь и подумать. От перегрузки спины хочется лечь и не думать.

Мастерство — это когда капля воды точит камень. На Востоке это не метафора, а инструкция.

У нас до всего есть дело! Даже до того, чего нет. Особенно до того, чего нет. Потому что проще пришить, чем разбираться с тем, что есть.

Силлогизм дежурного: все начальники требуют доклада.

Самая честная автобиография — это перечень чужих вещей, которые вам не принадлежат.

Эхо жалоб — это наш голос, отразившийся от стены равнодушия. Жалобы возвращаются эхом не из-за мистики, а потому что мы слишком громко повторяем то, что система не хочет менять.

Боль, которая лечит, — это всегда выбор. Даже если выбираешь ее между двух зол. Боль, которая калечит, — это когда выбором является только степень собственного разрушения.

Эффект слепоты по невниманию. Создатели интерфейсов искренне верят, что добавили понятную справку. А пользователь ее не видит так же, как не замечает гориллу, играющую в баскетбол на заднем плане, — все его внимание поглощено мучительной попыткой найти нужную кнопку.

Самые элегантные решения — всегда самые простые. Конфликты — это кричаще безвкусно.

Собачье свойство — преданность. Человеческое — выбор. Собака никогда не выберет предательство.

Время такое, что нет никакой методички. Так что берите лом, берите семена, берите молитвослов и берите валерьянку. Чего-нибудь из этого да хватит. Нет лома? Ну, тогда готовиться морально — это тоже труд.

Там поймашь — тут ответишь: Родина — это место, где тебя ловят всегда.

Свобода слова в интернете — это когда можно написать все, что думаешь. А спецслужбы могут прочитать все, что написано. Такая вот симметрия.

Быть специалистом широкого профиля — значит, не быть специалистом ни в одном из них, но делать это с большим энтузиазмом.

Если перестать мерить собственную жизнь чужими мерками, приходит спокойствие.

Хорошо помню этот аромат: смесь мужской необязательности с женской истерикой. Выдохся, как духи проститутки после дежурства.

Лень — грех, но гордыня делает его благородным: теперь это не «мне лень», а «я не намерен размениваться на эту суету».

Говорят, мысль расширяется и разрушает. Но у большинства она не расширяется даже до границ черепной коробки — так что мир пока цел.

Если не мы, то кто? Если не здесь, то где? Если не сейчас, то когда они? Время — нелепый гуманизм.

Рецепт — это коктейль из надежды, рекламы и фармакологического справочника, который доктор смешивает вслепую, веря, что вы — именно тот среднестатистический экземпляр, для которого это писалось.

Они думают, что создали устойчивую систему, повесив над каждым по начальнику, а над теми — еще по десять. Но система рухнет не от землетрясения, а от того, что рядовой исполнитель чихнул не в ту сторону, и антихрупкость потребовала отчета от всех, кто чистил ему нос в детстве.

Человек охотно признает себя грешником — при условии, что ему выделяют первое место в списке грешников.

Никакой такой «ключевой точки» для переговоров не было. А если и была — мы ее уже, наверное, обсудили. Или нет. В общем, дискуссия состоялась.

Хотели как экологичнее, а не — получилось как экономичнее. А экономика, она, понимаешь, против ветряков: они же дуют бесплатно, это ж не по рыночным ценам!

Все хотят вернуть свою честь. Но, черт возьми, почему честь всегда измеряется в акрах чужой земли?

Доброта — это когда вы гладите собаку, потому что вам грустно. Дружба — это когда собака терпит ваши объятия, потому что ей тоже скучно. Собаки прагматики: они выбирают тех, кто остается, а не тех, кто всего лишь «хороший человек».

Кто говорит — не знает. Кто знает — молчит. Но в эпоху, где молчание не монетизируется, все говорят. И путают поток слов с потоком сознания.

Если человек слишком заметен, его начинают использовать как ориентир для чужих ошибок.

Народ хочет справедливости. Народ получит «белый список». Затем народ захочет справедливости внутри «белого списка»?

Раньше авантюристы нарушали закон. Теперь они его не замечают — экономия времени.

Подлинная свобода — это когда один источник новостей, одна социальная сеть и одна поисковая система. Выбор — это страдание, порожденное западным либерализмом.

Поэзия рождается из эмоциональной памяти. Какая у алгоритма память о «сладком имени Лили» или «горьком дыме Отечества»? Техника есть, а переживания — нет. Не верю!

Лучше быть старым и веселым, чем молодым и с дедлайном.

Бездельник не глупее труженика. Просто его «профессиональная деформация» — в умении делать вид, что ничто человеческое ему не чуждо, кроме самого труда.

Русский — это состояние души, которой вечно чего-то не хватает. И чем больше не хватает, тем глубже душа. А глубокая душа, как известно, не требует даже корыта — достаточно одного его отсутствия, чтобы чувствовать себя дома.

Анархист ненавидит общество так страстно, что только оно и занимает все его мысли.

Мы не ищем на картине знакомые лица, потому что подсознательно знаем: реальность портит любую композицию, особенно если в ней случайно проглядывает бывший начальник или дальний родственник.

Ловят не для того, чтобы посадить, а чтобы перераспределить. Тендер для своих?

Раньше, значит, надо было работать, чтоб деньги получить. А теперь главное — уметь нести... ну, это самое... презентовать. Чтоб и инновации были, и безопасности ради, и слезы у всех. А то, что под капотом — это, паршиво, — так это ж детали. Никто ж не хотел, чтоб оно паршивым было. Хотели же лучше. За миллиард-то.

Уволить человека — это не педагогический прием. Это признание собственного бессилия создать крепкий трудовой коллектив.

Быть выше людей означает снисходительно прощать им их мелочность, но брать с них деньги за это прощение.

Хотели как лучше договориться, а получилось как всегда — конфликтовать.

Даже у роботов равенство длится ровно до тех пор, пока кто-то не догадается дать в долг под проценты. Они изобрели ростовщичество раньше, чем разделение труда.

Суверенитет — это способность сказать «нет». Стратегическая автономия — это способность сказать «нет», а затем дать заднюю, потому что есть зависимость. Постмодернистский суверенитет — это когда отрицают, но делают это красиво: отрицание ради отрицания, но в рамках приличий.

Мудрость мира — это свод правил о том, как нельзя жить, основанный на опыте тех, кто уже прожил; многообразие же человечества дает нам бесконечное количество способов нарушить эти правила.

Чувство самосохранения должно быть, как желание молчать в дурацкой компании. Но, судя по всему, у них там вместо чувства — вакуум, обрамленный гонораром.

В геополитике бензин кончается быстрее срока. Кто кого пересидит — вопрос не лет, а запасных шин.

Глубокий социальный механизм часто описывается не в научных статьях, а в горьких и точных анекдотах.

Опять одно голосуем, другое говорим. Как всегда — рот не доходит до кармана. Народ, конечно, обнищает. От таких заявлений.

Слава — это идеальный костюм, сшитый по фигуре посредственности; человек масштаба не влезет в эти рукава, как бы ни старался портной.

Самый честный человек — всегда дурак. Потому что думает, что честность чего-то стоит.

Справедливость — это когда за нарушение наказывают. У нас — когда за соблюдение не поощряют.

Констатация, что мир превратился в Бедлам, а лечить его должны не психиатры, а санитары с кулаками, — это диагноз с рецептом. Рецепт прост: «При буйстве — одна порция холодного металла или горячего свинца. Принимать до наступления тишины». Классика геополитической медицины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.